

На правах рукописи

ДАВЫДОВ Денис Владимирович

**КУЛЬТУРА КРЕСТЬЯНСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ 1920-Х ГОДОВ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ТАССР)**

07.00.02. – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Казань – 2012

Работа выполнена на кафедре истории и связей с общественностью
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
«Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н.
Туполева-КАИ»

Научный консультант: заслуженный деятель науки РФ и РТ
доктор исторических наук,
профессор, академик АН РТ
Тагиров Индус Ризакович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Рогалина Нина Львовна
Московский государственный университет,
профессор кафедры отечественной истории XX в.

заслуженный деятель науки РФ
доктор исторических наук, профессор
Кабытов Петр Серафимович
Самарский государственный университет,
заведующий кафедрой российской истории

доктор исторических наук, профессор
Коршунова Ольга Николаевна
Казанский национальный исследовательский
технологический университет,
заведующая кафедрой гуманитарных дисциплин

Ведущая организация: Институт истории им. Ш. Марджани Академии
наук Республики Татарстан.

Защита состоится 11 октября 2012 г. в 14.00 часов на заседании
диссертационного совета Д 212.081.01 по защите докторских и кандидатских
диссертаций Федерального государственного автономного образовательного
учреждения высшего профессионального образования «Казанский (Приволжский)
федеральный университет» по адресу: 420015, г. Казань, ул. К.Маркса, д. 74, корпус
Института истории, ауд. 3.11.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке имени Н.И.
Лобачевского Казанского Приволжского федерального университета, читальный зал №
1 по адресу: г. Казань, ул. Кремлевская, 35; с авторефератом диссертации – на сайте
ВАК Министерства образования РФ <http://vak.ed.gov.ru>; <http://kpfu.ru>

Автореферат разослан « ____ » _____ 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук,
доцент

Д.Р. Хайрутдинова

Общая характеристика работы

Актуальность темы. В поисках путей развития нашего государства в XXI веке особую актуальность приобретают проблемы, связанные с сохранением и развитием социокультурных традиций. Подчеркивая определяющую роль культурной среды, академик Д.С. Лихачев отмечал: «если природа необходима человека для его биологической жизни, то культурная среда не менее необходима для его духовной, нравственной жизни, для его... нравственной самодисциплины и социальности»¹. В условиях глобализации продолжается приобщение населения к образцам культуры, не связанным с национальными традициями, при этом серьезная проблема заключается и в разрастании масштабов этнического экстремизма и ксенофобии.

Современный российский социум, несмотря на довольно динамичный процесс урбанизации, по словам В.П. Данилова, «остается по своей ментальности крестьянским»². Такие его черты как прагматизм, смекалка, трудолюбие, духовность, умение приспособиться к любым условиям внешней среды во многом обеспечили сохранение целостности нашего общества в период масштабных потрясений XX века. В наши дни эти качества приобретают особую роль. Их утрата может обернуться непоправимыми последствиями, связанными с потерей механизмов адаптации миллионов российских граждан к условиям глобальных катаклизмов XXI века. Для предотвращения подобных перспектив необходимо сохранять и приумножать культурный опыт, передавая его молодому поколению.

История российского государства, оказавшаяся столь богатой на различные «переломные моменты» в одном только XX веке, хранит в себе широкий спектр механизмов адаптации общества к постоянным изменениям

¹ Лихачев Д.С. Избранное. Мысли о жизни, истории, культуре. М., 2006. С. 82.

² Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. 1994. № 4 – 5. С. 77.

внешней среды. Ярким примером одного из таких «переломов» стал период 1920-х годов, когда в повседневной жизни большинства населения активизировались черты нового уклада, менялось сознание людей, формировались новые мировоззренческие ориентации.

Изменение внешних условий, продиктованное широким комплексом экономических, социально-политических, психологических факторов, обусловило необходимость формирования в крестьянской культуре новых механизмов социализации. Нельзя утверждать, что, открывая для себя эти механизмы, крестьяне отвергали путь новаций, воспринимая его исключительно как отклонение от традиционного опыта, носящее вынужденный характер. Однако масштабное применение инновационных моделей в развитии хозяйственной и культурной жизни села существенно ограничивалось рядом факторов, таких как следование принципам «моральной экономики», ограниченность в материальных средствах и пр. Инновационный путь развития для крестьян, в основном, представлял собой обращение к традиционному культурному опыту, позволившему раскрыть в традиции нереализованные ранее возможности. Это, в свою очередь, позволяет говорить о преобладании традиционалистского направления в социокультурной трансформации российского общества в первой трети XX века³.

Объектом настоящего исследования выступают различные проявления материальной и духовной культуры крестьянства, реализуемые в повседневной практике. **Предметом исследования** является динамика изменений материальной и духовной культуры крестьянского населения ТАССР.

Целью диссертационного исследования является представление механизма трансформации культуры крестьянской повседневности под воздействием социально-экономических, политических, идеологических и

³ Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания. Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008. С. 11.

прочих факторов. Для достижения данной цели в рамках представленной работы предусмотрено решение следующих **задач**:

- Определить понятийный аппарат и методологию исследования, провести аналитический обзор литературы и источников;
- Рассмотреть основные проявления материальной культуры крестьян в контексте повседневности - жилые и хозяйственные постройки, одежда, обувь, украшения, пища, средства гигиены и пр.
- Дать характеристику тенденциям развития духовной культуры крестьян - грамотность, религиозные воззрения, отношение к власти и пр.
- Показать динамику изменений семейно-бытового уклада крестьянского социума;
- Раскрыть положение сельской женщины;
- Определить особенности восприятия различными половозрастными и национальными группами крестьянства изменений, отразившихся на повседневной жизни;
- Проанализировать причины и последствия проявления девиантного поведения в крестьянской среде;
- Рассмотреть изменения культурных запросов крестьян под влиянием социально-политической обстановки 1920-х годов.

Территориальные рамки исследования определяются административно-территориальными границами ТАССР, в которых находилась республика в период 1920 – 1929 гг.

Хронологические рамки работы охватывают период 1920-х годов. Начальной точкой считается образование ТАССР – июнь 1920 года. Конечная дата – это декабрь 1929 года, проведение в Москве Съезда аграрников-марксистов, на котором произошел разгром позиций сторонников организационно-производственной школы. Этим во многом было обусловлено начало проведения массовой коллективизации, что

означало окончательный отказ руководства страны от политики нэпа. Несмотря на обозначенные хронологические рамки, принцип историзма потребовал при проведении исследования обращение к событиям более раннего и позднего времени.

Научная новизна исследования заключается в выборе темы работы и постановке исследовательских задач. В исследовании на основе разнообразного комплекса источников осуществляется попытка представить целостную картину процесса трансформации традиционной крестьянской культуры ТАССР в период 1920-х годов. В процессе выполнения работы:

- Обобщен современный историографический опыт, на основе которого выявлены основные тенденции состояния историографии проблемы;
- Представлен и введен в научный оборот значительный фактический материал по истории культуры доколхозного крестьянства республики;
- Выявлены механизмы трансформации традиционных ценностей крестьянского населения, а также его адаптации к новым социально-политическим реалиям;
- Раскрыто влияние государственных структур на процесс изменения традиционных ценностей крестьянства;
- Определена роль демографических факторов в процессе восприятия сельским населением новых культурных ценностей;
- Охарактеризованы национальные особенности в процессе приобщения крестьян к новым культурным стандартам, а также факторы, способствовавшие интернационализации отдельных сторон повседневного быта.

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в том, что его материалы, положения и выводы позволяют составить комплексное представление о процессе развития крестьянской культуры ТАССР в период 1920-х годов. Обобщенные в работе данные могут быть

использованы органами государственной власти при разработке и проведении отдельных мероприятий в сфере социально-экономической, национальной и культурной политики. Материалы работы могут представлять интерес для исследователей, работников высшей школы, сотрудников музеев в их практической деятельности. Наблюдения и выводы исследования могут найти применение в дальнейших научных поисках, при разработке обобщающих трудов, энциклопедий, общих учебных курсов по отечественной истории XX века.

На защиту выносятся следующие положения:

- Впервые проблема повседневной крестьянской культуры раскрыта с привлечением широкого круга источников не только исторических, но и смежных дисциплин, для чего были использованы методы и методики, заимствованные из социологии, психологии, культурологии, математической статистики;
- В основе проявлений культуры крестьянской повседневности лежит земледельческий труд, определяющий образ жизни и характеризующий крестьянство как тип социальной общности;
- Социально-политическая обстановка 1920-х годов способствовала изменению культурных запросов и потребностей крестьянства, которые, в свою очередь, привели к дальнейшей трансформации традиционного образа жизни;
- В восприятии культурных новаций проявлялись половозрастные особенности. В наименьшей степени изменения затронули жизнь пожилой части населения и женщин, в то время как молодежь, стремившаяся найти свое место в меняющейся социальной структуре, активно отрицала традиционные ценности;
- Крестьянская культура отвергала новации, которые угрожали основам ее существования. Изменения, вносимые извне,

воспринимались в сельской среде лишь в случае их положительного влияния на быт и хозяйство;

- Традиционная зависимость жизненного уклада от природных процессов способствовала проявлению различных элементов язычества в повседневной жизни селян. Эти проявления активизировались в условиях голода и социальных катаклизмов начала 1920-х годов;
- Трансформация основ традиционной культуры крестьянства обуславливалась приобщением к достижениям индустриального общества;
- Культура крестьянской повседневности характеризовалась как наличием национально-религиозной самобытности, так и проявлением интернациональных черт, получивших свое развитие в 1920-е годы.
- Социально-экономические и политические условия 1920-х годов, отразившиеся на дальнейшем разрушении традиционной крестьянской ментальности, привели к усилению масштабов проявления девиантного поведения в сельской среде;
- Социально-экономические, политические, идеологические новации 1920-х годов в конечном итоге привели к трансформации крестьянской повседневной практики, выраженной в проявлениях материальной и духовной культуры.

Апробация работы. Основные положения и выводы исследования получили отражение в материалах тезисов региональных и всероссийских научных конференций («Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегии исследований» (Самара, 2006); «Крестьянство Среднего Поволжья в условиях реформ I половины XX в.» (Казань, 2007); «Сообщество историков высшей школы России. Научная практика и образовательная миссия» (Казань, 2009); заседание Интерцентра Московской высшей школы социально – гуманитарных наук под руководством Т. Шанина (Москва, 2009

г.), «Крестьянство в российских трансформациях: исторический опыт и современность» (Ижевск, 2010), IX Конгресс этнографов и антропологов России (Петрозаводск, 2011)), а также были опубликованы в нескольких научных статьях, помещенных во всероссийских и региональных изданиях.

Структура исследования обусловлена поставленной целью и определенными задачами. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка сокращений и списка использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность выбранной темы, анализируется степень ее изученности, определяется объект и предмет, территориальные и хронологические рамки работы, раскрывается методика, научная новизна и практическая значимость диссертации, приводятся данные, свидетельствующие об апробации полученных автором результатов.

Первая глава «Теоретико-методологические аспекты изучения культуры крестьянской повседневности» посвящена раскрытию методологии исследования, рассмотрению историографии изучаемой темы и ее источниковой основы.

В первом параграфе «Понятийный аппарат и методология исследования» рассматриваются различные исследовательские подходы к анализу и трактовке понятия «культура», отмечается многомерность и всесторонность этого термина, который рассматривается в географическом, демографическом, национальном, социальном, профессиональном и прочих аспектах. Отмечен и исторический подход, который рассматривает саму культуру как феномен истории общества, развивающийся путем передачи опыта от предыдущего поколения к последующему. Ситуация 1920-х годов отразила в себе сочетание разнообразных направлений и форм развития культуры, что отразилось на особенностях функционирования сферы

образования, права, морали и пр. Данные явления нашли свое отражение в деревне, испытывавшей на себе влияние индустриальных процессов. В итоге в деревенской культуре и быту отразилась совокупность новых элементов и форм, которые сельские жители сумели либо усвоить, либо приспособиться к ним. В настоящем исследовании осуществлена попытка проследить общую динамику изменений наиболее типичных форм материальной и духовной культуры крестьянской повседневности, произошедших в 1920-е годы.

Методологическая основа исследования базируется на совокупности общенаучных и специально-исторических методов научного познания, что особенно актуально при обращении к проблемам повседневной жизни крестьянства, ход которой отмечается внутренней неоднородностью и динамичностью. Используемый в работе метод историзма позволяет раскрывать свойства, функции, изменения изучаемого объекта в процессе его исторического развития. Принцип объективности направлен на всесторонний анализ исторических явлений и событий, использование в работе различных по происхождению и содержанию источников. Важным принципом стал социокультурный, позволяющий рассматривать повседневную жизнь как результат переплетения экономических, политических, религиозных и иных социальных факторов, способствующий выявлению сущности и закономерности традиций и новаций в жизни крестьян. Системный метод позволил рассмотреть различные проявления крестьянской культуры, проследить особенности их развития в рамках цельной системы. Характер задач, поставленных в диссертации, вызвал необходимость применения, наряду с общенаучными, специально-исторических методов: проблемно-хронологического, периодизации, сравнительного, конкретно-исторического подхода, методы логического и статистического анализа и критического отношения к источникам и историографии по исследуемой проблеме. Кроме того, в работе использовались математико-статистические методы – группировка и средние величины.

Второй параграф «Историография проблемы» посвящен обзору основных исследований, созданных в процессе изучения культуры крестьянства в отечественной и зарубежной науке. Представляя собой исторический, социальный и культурологический феномен, крестьянская культура уже длительное время является объектом междисциплинарного изучения, носящего комплексный характер. Целесообразно обратить внимание на существование трех основных направлений: непосредственно исторического, этнографического и искусствоведческого. Сочетание данных направлений, отраженное в солидной историографической базе, позволило достаточно полно рассмотреть изучаемую проблему.

Первый этап в изучении поставленной проблемы можно отнести к периоду 1920-х годов. Особый интерес вызывала борьба с «пережитками» крестьянского быта, которая сопровождалась призывами к его изменению⁴. В то же время, для ряда исследователей крестьянская культура представлялась объектом этнографического изучения: в 1920-е годы было проведено большое количество обследований отдельных селений⁵. Активная исследовательская работа проводилась в ТАССР. В 1923 году в Казани было открыто Научное общество Татароведения (НОТ), работа которого, в основном, проводилась в русле изучения материальной и духовной культуры татарского народа, что знаменовало собой дальнейшее развитие этнографических исследований. В этой области трудились такие ученые, как А. Рахим, П.М. Дульский, Н.И. Воробьев, К.С. Губайдуллин, М.С. Губайдуллина, М.Г. Худяков и многие другие⁶. Центральное место в исследовательской работе 1920-х годов, безусловно, заняла экспедиционная деятельность, в ходе которой собирался материал по многим аспектам

⁴ Семенов В. Кто кого (борьба старого и нового быта). М., 1928; Культура и быт. М., 1924.

⁵ Алексеев В.Н. Опыт монографического описания деревни Курово Дмитровского уезда. М., 1923; Большаков А.М. Советская деревня (1917 – 1924 гг.) Экономика и быт. Л., 1924; Он же. Краеведческое изучение деревни. М., 1930; Дыский К.К. Опыт монографического описания дер. Бурцевой Волоколамского уезда. М., 1923; Феноменов М.Я. Современная деревня. Опыт краеведческого обследования одной деревни. Ч.1, 2. Л., 1925; Росницкий Н. Лицо деревни. М; Л., 1926; Яковлев Я.А. Наша деревня. Новое в старом и старое в новом. М., 1924; Он же. Расслоение деревни. М., 1925 и др.

⁶ Вестник Научного общества татароведения. 1925. № 1 – 2. С. 60; № 3. С. 46.

традиционной крестьянской культуры – питанию, потреблению алкогольных напитков, лечению заболеваний, способам постройки жилых и хозяйственных помещений и т.д.⁷ Вопросы культуры и быта народов республики вызвали большой интерес и со стороны искусствоведов. В целом, в период 1920-х годов удалось создать широкую источниковую базу, совершенствовать методику, принципы сбора и обработки различных исторических документов и группировки фактического материала.

Очередной этап историографии охватил период с начала 1930-х по середину 1950-х годов. В исследованиях обозначились две основные тенденции. Во-первых, крестьянская культура 1920-х годов постепенно стала рассматриваться как историческая проблема. Во-вторых, деятельность ученых начала подвергаться сильному идеологическому влиянию, что предопределяло постановку проблем и характер выводов. Акцент смещался на вопросы культурной перестройки деревни: постановке и изучению проблем культурно-просветительной работы⁸, школьному строительству⁹, ликвидации неграмотности¹⁰. Одновременно продолжалась критика таких «пережитков», как религиозные традиции, знахарство и т.д.¹¹ Следствием кризиса в научно-исследовательской работе стала достаточно однобокая трактовка вопросов развития культуры и быта в общем русле «культурной революции»¹². Некоторое оживление краеведческой работы произошло в

⁷ Воробьев Н.И. Кряшены и татары. Казань, 1929; Губайдуллин К., Губайдуллина М. Пища казанских татар (Этнографический очерк). Казань, 1927; Евсеев М.Е. Мордва Татреспублики // Материалы по изучению Татарстана. Вып. 2. Казань, 1925. С. 179 – 196; Калинин Н.Ф. О русском крестьянском зодчестве. Казань, 1925 и др.

⁸ Андреева М.С. Политико-просветительная работа в деревне в конце восстановительного периода. 1924-25 гг. М., 1953; Ким Н.П. Коммунистическая партия – организатор культурной революции в СССР. М., 1955.

⁹ Фрид Л.С. Очерки по истории развития политико-просветительной работы в РСФСР. Л., 1941; Юдин П.Ф. Марксизм – ленинизм о культуре и культурной революции. М., 1933.

¹⁰ Иванова А.М. Что сделала советская власть по ликвидации неграмотности для взрослых. М., 1940.

¹¹ Алексеев И. Кулацкие окопы (Религия и водка в деревенском быту). М., 1930; Дмитров А.Д. Церковь и крестьянство на Руси. М.; Л., 1931; Фунт И.М. Научная медицина в борьбе со знахарством. Фрунзе, 1956.

¹² Залкинд Г.М., Лившиц А.И. Здравоохранение Татарии в 1933 – 34 гг. (итоги и перспективы) // Социалистическое хозяйство Татарстана. №1 – 2. 1934. С. 104 – 111; Яковлев И. Неузнаваемой стала нацменовская деревня // Социалистическое хозяйство Татарстана. №1. 1935. С. 106 – 109; Исхаков Н.И. От темноты и безграмотности к расцвету социалистической культуры // Социалистическое хозяйство Татарстана. №1. 1935. С. 96 – 104.

период войны и в первые послевоенные годы. В 1946 году Советом министров ТАССР был утвержден устав Общества краеведения при Государственном музее ТАССР¹³. Филиалы общества были созданы в 10 районах республики. Однако жесткая регламентация деятельности общества серьезно ограничивала исследовательскую работу.

Особенностью очередного периода в развитии историографии, охватившего вторую половину 1950-х – середину 1980-х гг., стало обращение к новому фактическому материалу¹⁴. Критика устаревших методологических подходов стала звучать все активнее, выражая общее стремление рассматривать культуру как самостоятельное научное направление¹⁵. Большой вклад в разработку вопросов развития культуры крестьянства внес В.П. Данилов. Именно он одним из первых подчеркнул актуальность изучения культуры доколхозной деревни, отметив проблему отсутствия «значительных исследований по истории культуры советской доколхозной деревни в целом или отдельных ее форм»¹⁶.

Развитие процессов урбанизации в 1970-е – 1980-е гг. обусловило актуальность обращения к понятию «сельский образ жизни». Особое внимание стало уделяться изучению «живых, прогрессивных и отживающих крестьянских традиций»¹⁷. В то же время в полной мере обратиться к проблеме традиционной крестьянской культуры исследователи не могли. Это обусловило тенденцию рассматривать крестьянскую культуру как «упрощенное заимствование, ухудшенную копию городской культуры»¹⁸.

¹³ Устав Общества краеведения Татарской АССР. Казань, 1947. С. 3 – 4.

¹⁴ Генкина Э.Б. Переход советского государства к новой экономической политике (1921 – 1922). М., 1954; Бахтин М.И. Союз рабочих и крестьян в годы восстановления народного хозяйства 1921 – 1925 гг. М., 1961; Куманев В.А. Социализм и всенародная грамотность. Ликвидация массовой неграмотности в СССР. М., 1967; Праздники на селе: Сборник статей. М., 1958; и др.

¹⁵ Ким М.П. О сущности культурной революции и этапах ее осуществления в СССР // Культурная революция в СССР. 1917 – 1965 гг. М., 1967. С. 31.

¹⁶ Данилов В.П., Шерстобитов В.П. Основные проблемы истории советского доколхозного крестьянства // Проблемы истории советского крестьянства: Сборник статей. М., 1981. С. 27.

¹⁷ Симуш П.И. Проблемы становления и развития социалистического образа жизни в советской деревне // Социально-политический и культурный облик деревни в его историческом развитии. XVIII сессия симпозиума по изучению проблем аграрной истории: Тезисы докладов и сообщений. Воронеж, 25 – 29 сентября 1980 г., М., 1980. С. 4, 9.

¹⁸ Громыко М.М. Культура русского крестьянства XVIII – XIX веков как предмет исторического исследования // История СССР. М., 1987. № 3. С. 41.

Развитие республиканской историографии, в целом, осуществлялось в русле общесоюзной. Особенностью развития научной жизни стала активизация этнографических исследований¹⁹. Началось постепенное использование статистических методов при обработке этнографического материала, в научный оборот был введен термин «статистическая этнография»²⁰. Своеобразным итогом развития культурной проблематики стал выход библиографического справочника, посвященного вышедшим с 1917 по 1975 год исследованиям в области изучения духовной культуры Татарстана²¹.

Начало современного этапа в развитии историографии связано с курсом на перестройку советского общества. К этому времени была обоснована необходимость междисциплинарного изучения проблем культуры крестьянства, привлечение новых источников и использование новых методов исследования²². Ключевой проблемой определялось выявление способов передачи культурных традиций в крестьянской среде²³. В подобных условиях особенно важным стало приобщение отечественных исследователей к мировому опыту²⁴. Огромную роль сыграл вышедший сборник наиболее известных за рубежом работ, касающихся проблем изучения крестьянства под общей редакцией Т. Шанина²⁵.

¹⁹ Бусыгин Е.П. Русское население Среднего Поволжья. Казань, 1966; Кучерявенко Н.Н. Культура и быт русского сельского населения правобережных районов Татарской АССР. Дисс... канд. ист. наук. Казань, 1970.

²⁰ Очерки статистической этнографии Среднего Поволжья. Казань, 1976.

²¹ Гарипова З.Г. Развитие культуры в Татарии. Указатель литературы на русском и татарском языках. 1917 – 1975 гг. Казань, 1978.

²² Буховец О.Г. Массовые источники по общественному сознанию российского крестьянства. Опыт применения контент-анализа при изучении приговоров и наказов // История СССР. 1986. №4; Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М., 1988.

²³ Громыко М.М. Культура русского крестьянства XVIII – XIX веков как предмет исторического исследования // История СССР. М., 1987. №3. С. 60.

²⁴ Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отеч. история. 1992. № 5; 1993. № 2, 6; 1994. № 2, 4 – 5, 6; 1995. № 3, 4, 6; 1996. № 4; 1997. № 2; 1998. № 6.

²⁵ Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. Хрестоматия. Пер. с англ. / Сост. Т. Шанин. Рус. Ред. А.В. Гордона. М., 1992.

Возможности изучения вопросов крестьянской культуры дало дальнейшее развитие «гендерной истории»²⁶. Формирование новых методологических подходов в изучении крестьянской культуры сопровождалось окончательным отказом от устоявшихся взглядов на положительную роль «культурной революции» в развитии сферы быта. Ряд исследователей фокусировали внимание на изучении проблем традиционного крестьянского менталитета и его роли в социально-экономическом развитии страны²⁷. Расширяя комплекс изучаемых проблем и вводя в научный оборот новые источники, современные исследователи пришли к выводу, что традиционная крестьянская культура претерпела в XX веке такие изменения, которые привели к ее разрушению. Причинами тому стали развитие промышленности, реформирование хозяйствования, которое затронуло бытовую, материальную и духовную культуру, а также идеологическую поддержку этих процессов со стороны государственных структур²⁸.

В наше время определилось два научных направления в изучении крестьянской культуры. Во-первых, это само крестьяноведение, выделяющее крестьянство и его культуру в самостоятельный объект исследования. Во-вторых, это история повседневности, получающая все большее распространение в нашей стране с 1990-х годов. Изучение повседневности обуславливает обращение к междисциплинарному инструментарию, активизируется комплексный подход в изучении различных форм и проявлений традиционной крестьянской культуры. При этом сохраняется довольно высокая вариативность аспектов, включаемых в проблематику повседневности.

²⁶ Адам и Ева. Альманах гендерной истории. Под ред. Л.П. Репиной. 2002 – 2009. №№1 – 13; Кознова И.Е. XX век в социальной памяти российского крестьянства. М., 2000.

²⁷ Безгин В.Б. Крестьянская повседневность: (Традиции конца XIX – начала XX века) / Моск. гос. пед. ун-т, Тамб. гос. техн. ун-т. М.; Тамбов, 2004; Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания. Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008; Лебедева Л. В. Повседневная жизнь пензенской деревни в 1920 – е годы: традиции и перемены. М., 2009; Климин И.И. Российское крестьянство в годы новой экономической политики (1921 – 1927). Спб., 2007 и др.

²⁸ Новожилов А.Г. Динамика исчезновения объектов традиционной материальной культуры в XX в. По материалам Пыталовского района Псковской области // Вестн. С.-Перерб. ун-та. Сер.2, История. Спб., 2006. Вып. 4. С. 289.

Необходимость всестороннего изучения культуры крестьянства, прослеживается и на местном уровне ²⁹. Некоторые проблемы культуры крестьянского населения Татарии в условиях перехода к политике сплошной коллективизации рассмотрены И.Р. Тагировым ³⁰. Исследование историко-демографической и социальной структуры сельского населения Среднего Поволжья на основе материалов Всесоюзной демографической переписи 1926 года проведено Н.А. Федоровой ³¹. Анализу социально-экономического состояния крестьянства Татарии, изучению его общественно-политического настроения и классовой структуры в 1920-е годы посвящены работы Р.В. Шайдуллина ³². Анализ общественно-политических, экономических и социальных проблем нэпа и их влияния на повседневную жизнь населения Среднего Поволжья проведен И.А. Гатауллиной ³³. Появление большого количества исследований позволяет констатировать, что в изучении проблем крестьянской культуры произошел заметный рывок, который проявился как в количественном, так и в качественном отношении ³⁴.

²⁹ *Сморгунова Е.М.* Комплексное изучение традиционной народной культуры Прикамья: (Первые итоги эксперимента) // История СССР. М., 1988. №2. С. 216 – 219.

³⁰ *Тагиров И.Р.* Очерки по истории Татарстана и татарского народа (XX век). Казань, 1999; *Тагиров И.Р.* История национальной государственности татарского народа и Татарстана. Казань, 2000.

³¹ *Федорова Н.А.* Сельское население Среднего Поволжья накануне коллективизации (опыт социально-демографического изучения). Казань, 1990; *Федорова Н.А., Мизель П.К.* Голодомор в Поволжье. Родина. 1998. №1. С. 77; *Федорова Н.А.* Социально-демографическая характеристика единоличного крестьянства Татарстана // Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегия исследований. Самара, 2007. С. 366 – 370; *Она же.* К методике формирования банка данных на базе массовых архивных источников // Историческая наука и архивы. Нижний Новгород, 1993. С. 34 – 38.

³² *Шайдуллин Р.В.* Крестьянские хозяйства Татарстана: проблемы и пути их развития в 1920 – 1928 гг. Казань, 2000. *Он же.* Крестьянские хозяйства Татарстана в 1920-х годах. Дисс... докт. ист. наук. Казань, 2003. *Он же.* Крестьянство Татарстана: экономический и общественно-политический аспекты (1920-1929 гг.). Казань, 2004.

³³ *Гатауллина-Апайчева И.А.* Среднее Поволжье в годы новой экономической политики. Социально – экономические процессы и повседневность. Казань, 2007.

³⁴ *Мальшиева О.Л.* Социокультурные особенности семейного быта русского крестьянства Казанского края в начале XX века // Известия общества истории, археологии и этнографии при Казанском государственном университете. 2008. №1. С. 203 – 208; *Крашенинникова Т.П., Хайруллина А.И.* Мотивация выбора педагогической специальности выходцами из крестьян в 1920 – е годы // Известия общества истории, археологии и этнографии при Казанском государственном университете. 2008. №1. С. 192 – 197; *Сулейманов Р.Р.* Союз воинствующих безбожников и крестьянство Татарстана в 1920 – е годы // Известия общества истории, археологии и этнографии при Казанском государственном университете. 2008. №1. С. 208 – 214; *Валеева – Сулейманова Г.Ф.* Декоративное искусство Татарстана. Казань, 1995. С. 40 – 41.

Большой опыт в изучении крестьянской культуры был накоплен зарубежными исследователями³⁵. Выдающийся вклад в изучение вопросов состояния крестьянского общества, двора, внутрисемейных отношений внесли труды Т. Шанина, ставшего одним из основателей нового научного направления, получившего название «крестьяноведение»³⁶. Период перестройки в СССР активизировал исследования, посвященные культурной проблематике: стали изучаться вопросы повседневной жизни, менталитета российского крестьянства, взаимоотношения полов, изменения уровня грамотности и т.д.³⁷ Внимание исследователей стало направляться на дальнейшее изучение интересов людей, индивидуальных и коллективных представлений, практики повседневного быта и поведения. Появившаяся возможность для зарубежных исследователей более полно использовать материалы российских архивов способствовала расширению тематики работ, многие из которых приобретали междисциплинарный характер³⁸.

Таким образом, рассмотренные выше исследования способствовали сознанию теоретического и методологического базиса для представленной диссертационной работы.

³⁵ *Koslow J.* The Despised and the Damned: the Russian peasant through the ages. New York, London. 1972; *Redfield R.* The Little Community and Peasant Society and Culture. Chicago, London. 1989; *James C. Scott.* The Moral Economy of the Peasant Rebellion and subsistence in Southeast Asia. New Heaven and London, 1976;

³⁶ *Shanin T.* Peasants and Peasant Societies. London, 1971; *Shanin T.* The Awkward Class. Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia, 1910 – 1925. Oxford, 1972; *Шанин Т.* Крестьянский двор в России // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире: Хрестоматия. М., 1992.

³⁷ *Brooks J.* When Russia Learned to Read. Literacy and Popular Literature, 1861-1917. Princeton, 1985; *Confino M.* Russian Customary Law and the Study of Peasant Mentalities // The Russian Review. 1985. - Vol. 44, №1. P. 35 – 45; *Engel B.A.* The Woman's Side. Male Out-Migration and the Family Economy in Kostroma Province // Slavic Review, 1986. №45. P. 257 – 271; *Frierson C.A.* Crime and Punishment in the Russian Village: Rural Concepts of Criminality at the End of the Nineteenth Century // Slavic Review. 1987. Vol. 46, № 1. P. 55 – 69 etc.

³⁸ *Millar J.* The Soviet economic experiment. Urbana and Chicago, 1990; *Венер М.* Был ли НЭП? Некоторые размышления об историографии советского крестьянства 20-х годов // Россия в XX веке: Судьбы исторической науки. М., 1996. С. 341; *Moon D.* The Russian Peasantry, 1600 – 1930: The World the Peasants Made. London, New York, 1999; *Наоко Хироока.* Борьба с сифилисом и крестьянство в 1920 – х годах // XX век и сельская Россия. Российские и японские исследователи в проекте «История российского крестьянства в XX веке». Токио, 2005; *Heather J. Coleman.* Russian Baptists and Spiritual Revolution. 1905 – 1929. Indiana, 2005; *Jenks A.* The Art Market and Construction of Soviet Russian Culture // Borders of Socialism: Private Spheres of Soviet Russia. London, 2006. P. 47 – 64.

Третий параграф «Источниковая основа исследования» раскрывает особенности использованных в работе источников. Весь источниковый материал можно разделить на пять основных групп: 1) Законы и нормативные акты; 2) Делопроизводственные документы; 3) Статистические данные; 4) Материалы периодической печати; 5) Материалы личного происхождения.

К первой группе источников относится значительный массив документов, раскрывающий политику правящих структур по отношению к населению страны. В данную группу вошли законы, нормативные акты, а также программные, уставные и директивные документы советского правительства, отразившие новые политические реалии³⁹. В то же время исполнение задач государственной политики, определившее основные направления развития страны, обеспечивалось решениями правящей партии, которые определяли стратегию и тактику проводимых центральными и местными органами власти мероприятий, отразившихся на повседневной жизни крестьянского населения⁴⁰.

³⁹ Декреты Советской власти. Т. 13. М., 1989; Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов. Т. 1. 1917 – 1928 гг. М., 1957; Т. 2. 1929 – 1945. М., 1957; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898 – 1986). Т. 2. 1917 – 1922 гг. М., 1983; Т. 3. 1922 – 1925 гг. М., 1983; Т. 4. 1926 – 1929 гг. М., 1983; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917 – 1967: Сборник документов. В 5 тт. М., 1967. Т. 1. 1917 – 1928 гг. М., 1967; Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства Татарской Социалистической Советской Республики. 1922 – 1929 гг.; Сборник циркуляров и распоряжений Народного Комиссариата Просвещения ТССР. 1925 – 1929 гг.

⁴⁰ Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г.: Стенографический отчет. М., 1963; Двенадцатый съезд РКП(б): Стенографический отчет. М., 1968; Пятнадцатый съезд РКП(б). Декабрь 1927 г.: Стенографический отчет. Ч.1 – 2. М., 1961 – 1962; Третий Съезд Советов ТАССР. Бюллетень (Стенографический отчет). Казань, 1922; Бюллетень 4-го Съезда Советов Татарской соц. Сов. Респ. 17-24 декабря 1923 г. (Стенографический отчет). Казань, 1923; Пятый Съезд Советов Татарской ССР. Стенографический отчет (с 5-го по 9-е января 1925 г.). Казань, 1925; Шестой Съезд Советов Тат. Сов. Соц. Республики 7-14 марта 1926 г. Казань, 1926; Седьмой Съезд Советов ТАССР. 15-21 марта 1927 г. Стенографический отчет. Казань, 1927; Постановления 8-го Съезда Советов ТАССР (3-8 мая 1929 г.). Казань, 1929; Всетатарский съезд работниц и крестьянок-членов советов. Материалы. С прил. постановлений Всесоюзного съезда работниц и крестьянок-членов советов 5-8 октября 1927 года. Казань, 1927.

Вторую группу источников представляют собой делопроизводственные материалы государственных учреждений и общественных организаций.⁴¹ Указанные материалы раскрывают механизмы реализации правительственных постановлений, а также ход проведения различных мероприятий и кампаний. Особый интерес представляет документация, отразившая деятельность правоохранительных и карательных органов⁴², в том числе собрание секретных сводок Татарского отдела ГПУ, хранящихся в Центральном государственном архиве историко-политической документации РТ (ЦГА ИПД РТ, Ф. 15).

Большую ценность для исследования представили статистические материалы и отчеты (третья группа источников). В первую очередь сюда относятся материалы демографических переписей 1920 и 1926 гг.⁴³ Обращаясь к данному виду источников, необходимо отметить, что при всей огромной роли и универсальном значении переписи ее недостатком является то, что ее материалы достаточно условны, они не отражают «огромной роли

⁴¹ ГА РФ. Ф. 1318 - фонд Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР (Наркомнац РСФСР), 1917 - 1924 гг., ГА РФ. Ф. 2306 - фонд Министерства просвещения РСФСР (Минпрос РСФСР), 1917 - 1988 гг., ГА РФ. Ф. 482 - фонд Министерства здравоохранения РСФСР (Минздрав РСФСР), 1918 - 1991 гг., ГА РФ. Ф. 2314 - фонд Всероссийской чрезвычайной комиссии по ликвидации безграмотности (ВЧКЛБ) при Главполитпросвете НКП РСФСР, 1921 г., ГА РФ Ф. 296 - фонд Отдела по просвещению национальных меньшинств в Наркомате просвещения РСФСР; Комитет по просвещению национальных меньшинств РСФСР (Комнац) Наркомата просвещения РСФСР, 1918 - 1934 гг.; РГАЭ. Ф. 478 - фонд Народного комиссариата земледелия СССР; НА РТ. Ф. Р-732 - фонд Центрального исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов ТАССР, 1920 - 1929 гг.; ЦГА ИПД РТ Ф. 15 - фонд Татарского республиканского комитета КПСС, 1922 - 1929 гг.; НА РТ. Ф. Р-3997 - Фонд Главного управления милиции Народного комиссариата внутренних дел ТАССР, 1921 - 1929 гг.; НА РТ Ф. Р-1296 - фонд Татарского статистического управления; Ф. Р-5874 - фонд Наркомзема ТАССР, 1920-1929 гг.; Ф. Р-3682 - фонд Наркомпроса ТАССР, 1922 - 1929 гг.; Третий съезд работников юстиции Татарской социалистической советской республики. 5 - 8 октября 1926 г. Стенографический отчет. Казань, 1926; Общество «Долой неграмотность». Устав общества и инструктивный материал. М., 1924; Материалы Третьего съезда общества «Долой неграмотность» Татреспублики. Казань, 1927 и др.

⁴² Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918 - 1939.: Документы и материалы: В 4 - х т./ Центр. Архив ФСБ РФ и др.; Под ред. А. Береловича, В. Данилова. Т.1. Советская деревня глазами ВЧК - ОГПУ. 1918 - 1922 гг. / Сост.: Л. Борисова и др. М., 2000.; Советская деревня глазами ВЧК - ОГПУ - НКВД. 1918 - 1939.: Документы и материалы: В 4 - х т./ Центр. Архив ФСБ РФ и др.; Под ред. А. Береловича, В. Данилова. Т.2. Советская деревня глазами ОГПУ. 1923 - 1929 гг. / Сост.: Л. Борисова и др. М., 2000; Лубянка, Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Январь 1922 - декабрь 1936: Документы. М., 2003.

⁴³ Итоги Всероссийской переписи 1920 года. М., 1928; ЦСУ СССР. Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1929 - 1930.

патриархального уклада в социально-экономической жизни народов...»⁴⁴. В то же время статистические материалы в 1920-е годы представляли высокую степень достоверности, что обеспечивалось преемственностью работы статистических органов еще с XIX века. Созданное в Казани Татарское статистическое управление, действовавшее под руководством В.М. Ермолаева сыграло ключевую роль не только в проведении статистических исследований, но и в разработке дальнейших методик сбора и обработки информации⁴⁵.

Очередную группу источников представляют материалы периодической печати. Большинство газетных и журнальных статей представляли не столько реальную, сколько желаемую картину действительности. Материалы центральных газет публиковали на своих страницах разнообразный материал, включающий постановления правительства, материалы агитационных кампаний, проходивших в сельской местности, некоторые сведения статистического характера, отдельные заметки из жизни деревни и т.д.⁴⁶ Материалы местных газет, придерживаясь общего курса, взятого центральными изданиями, обращались к специфике осуществления социально-экономических изменений и их отражения в культурно-бытовой жизни крестьянства ТАССР⁴⁷. В определенной мере общее направление проявлялось в материалах кантонных и районных газет⁴⁸.

Критика «пережитков» была характерна для изданий, непосредственно предназначенных для распространения в сельской среде. Сюда можно отнести такие журналы, как «Здоровая деревня», «Новая деревня», «Трезвость и культура» и др. Несмотря на свою конкретную направленность,

⁴⁴ Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учебное пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М., 2004. С. 595.

⁴⁵ Давыдов Д.В. Его руками создана статистика Татарии (о статистике В.М. Ермолаеве) // Эхо веков. 2009. № 1. С. 101 – 104.

⁴⁶ Известия ВЦИК. 1922 – 1929; Крестьянская газета. 1922 – 1929; Новая деревня. 1922 – 1929; Прикамская деревня. 1922 – 1929.

⁴⁷ Красная Татария. 1921-1929; Известия ТатЦИКа и Татобкома РКП (б): Ежедневная газета. 1923 - 1929.

⁴⁸ Буинская беднота. - 1920; Известия. - Чистополь - 1921 - 1924; Красный пахарь. - 1922-1923; Красный путь. - 1920-1924; Пахарь. - 1927-1928; Прикамье. - 1925-1928; Путь к социализму. - 1920-1921; Светлый путь. - 1920-1922.

представленные издания не смогли выполнить своих функций, отчасти, по причине взятого назидательного тона, а в большей степени, из-за своей недоступности для широких крестьянских масс. Этому способствовали незначительные тиражи изданий и проблемы их распространения в сельской местности. Тем не менее, подобные журналы представляют определенную ценность, поскольку содержат описания некоторых заговоров, языческих обрядов и пр. Среди республиканских изданий следует отметить журнал «Труд и хозяйство», орган Госплана ТАССР, начавший выходить с 1921 года. Материалы этого издания были посвящены различным аспектам социально-экономического развития республики, большое внимание уделялось вопросам развития аграрного сектора. Таким образом, материалы периодической печати по-своему отразили состояние и перспективы развития социальной и культурно-бытовой сферы жизни населения. Значимость материалов периодики состоит в их злободневном характере, в широком привлечении различных источников (обследований, анкет, интервью, путевых заметок и др.).

Наконец, последнюю группу источников представляют документы личного происхождения. Сложившаяся в 1920-е годы практика общения народа с властью посредством переписки приобретала довольно большую популярность. Определенная часть корреспонденции поступала из ТАССР, ныне хранящаяся в фондах центральных⁴⁹ и местных архивов⁵⁰. К сожалению, довольно низкий уровень грамотности сельского населения, а также незнание со стороны его определенной части русского языка, необходимого для общения с представителями центральных органов власти, не позволяет в полной мере опереться на данный вид источников. К тому же значительная часть корреспонденции, направляемой в «верха», носила ярко выраженный утилитарный характер, представляя собой многочисленные жалобы, заявления и прошения. Их основное количество содержится в

⁴⁹ РГАЭ. Ф. 396 - фонд редакции «Крестьянской газеты», издания ЦК РКП(б), 1923 - 1929 гг.

⁵⁰ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 2. Д. 524. Л. 87, 140; Ф. 6621. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 – 2; Ф. 8164. Оп. 1. Д. 83. Л. 40.

материалах фонда Рабоче-крестьянской инспекции Национального архива Республики Татарстан (Р-990). Для объективной оценки процессов, затрагивавших развитие культурной жизни деревни, необходим взгляд «со стороны». Этой цели в определенной мере могут послужить свидетельства современников, – партийных и государственных деятелей, работников образования, здравоохранения, агрономов, журналистов и прочих, посещавших сельскую местность в 1920-е годы⁵¹. Подобные свидетельства обращают внимание на некоторые специфические проявления отдельных сторон культуры и быта крестьянства, далеко не всегда находившие выражение в письмах «снизу». Немалый интерес представляли свидетельства иностранцев, посетивших республику по случаю организации работ по ликвидации массового голода начала 1920-х годов⁵². Безусловно, источники личного происхождения, выражая эмоциональный характер их авторов, не лишены определенной субъективности, но, с другой стороны, они позволяют оживить картину ушедшей реальности.

Таким образом, наличие значительного количества источников и их широкий спектр создали необходимый документальный фундамент для раскрытия темы и получения выводов, к которым пришел автор данного исследования.

Во второй главе «Материальная культура крестьянства» рассмотрены ее основные компоненты. *Первый параграф «Изменение количества сельских поселений и расселения основных национальных групп»* посвящен изучению динамики численности сельских населенных мест ТАССР, а также их национального состава. В характере расселения крестьянства различных национальностей, проживавших в республике, в

⁵¹ Боговой И. Деревенские будни. Очерки по массовой работе в деревне. М; Л., 1928; Голубых М. Очерки глухой деревни. М; Л., 1926; Григоров Л. Очерки современной деревни. М., 1924; Лаврентьев С. Из деревенских настроений // Сельское хозяйство Татарстана. 1923. №2-3. С. 12-14; Росницкий Н. Полгода в деревне. Пенза, 1925; Шафир Я. Газета и деревня. М., 1923; Яковлев Я. Деревня как она есть (очерки Никольской волости). М., 1923 и др.

⁵² Childs Rives J. Black lebeda: The Russian Famine Diary of ARA Kazan District Supervisor /Ed. By J.H. Cockfield. Macon: Mercer University Press, 2006; Patenaude Bertrand M. The Big Show in Bololand: The American Relief Expedition to Soviet Russia in the Famine of 1921. Stranford: Stranford University Press, 2002, etc

1920-е годы наметились определенные перемены. В первую очередь, они оказались связаны с увеличением общего количества сельских населенных мест. Проводимые в условиях нэпа мероприятия в русле восстановления аграрного сектора, такие как создание новых поселков, проведение землеустроительных работ и пр. оказали свое благотворное воздействие на росте численности сел и деревень. Кроме того, на протяжении 1920-х годов изменилось соотношение сельских поселений различных национальных групп. Несколько увеличился удельный вес татарских поселений, что стало результатом проведения комплекса социально-экономических мероприятий, направленных на развитие татарских хозяйств. Одновременно сократился удельный вес русских хозяйств. Довольно значимые изменения затронули удельный вес поселений представителей национальных меньшинств, который за период 1920-х годов заметно сократился. Немалую роль в этом сыграло стремление крестьян национальных меньшинств к переводу их селений в границы создаваемых в 1920-е годы национальных республик народов Поволжья. В то же время увеличился удельный вес смешанных поселений в республике, что, несомненно, стало результатом не только экономических, но и культурных изменений в жизни крестьянства. Тенденции к интернационализации культурной и хозяйственной жизни крестьянского населения Татарской республики в 1920-е годы стали проявляться все более отчетливо. Действие социально-экономических и культурных факторов оказало, таким образом, свое определяющее влияние на динамику численности и национального состава сельских поселений. Увеличение численности сельских населенных мест, связанное, в том числе, и с созданием новых поселков, отразилось на общем характере изменений культуры повседневности крестьянства.

Второй параграф «Крестьянское жилище и домашняя утварь» затрагивает проблемы состояния жилья и хозяйственных построек. Крестьянское жилище как архитектурный комплекс представляет собой одно из основных проявлений материальной культуры. Особенности планировки,

постройки, внутреннего убранства жилых и хозяйственных помещений в наибольшей степени отражает способность крестьянского хозяйства приспосабливаться к условиям окружающей природной и социальной среды. Период 1920-х годов принес свои изменения в данную сферу материального быта. Сделан вывод о действии ряда факторов, проявивших свое влияние в области планировки, строительства, декорирования, а также внутреннего убранства жилых построек. В первую очередь, это факторы субъективного характера, в целом приобретшие стабилизирующий характер: приверженность населения религиозным нормам и традициям продолжало достаточно отчетливо проявляться в крестьянской среде, особенно среди представителей старшего поколения. Сохранение индивидуального крестьянского хозяйства создавало условия, в которых сфера частной жизни оставалась наименее подверженной внешнему контролю. Крестьянин продолжал жить в своем мире, где обряды и традиции, определявшие его образ жизни, оправдывали различные проявления консерватизма в области строительства жилища, планировки и декорирования его интерьера. Между тем в 1920-е годы заметно усилились социально-экономические факторы: более отчетливо стало прослеживаться культурное влияние города, усилилась миграционная подвижность, шло создание новых поселков и пр. Как следствие, в сельской местности упрощалась планировка новых поселений, отмечалось применение более качественных строительных материалов, несколько расширился ассортимент бытовой утвари. Свою роль сыграл и политический фактор: поддержка сельской бедноты и борьба с кулачеством, приобретшая особый размах к концу 1920-х годов, не могла не отразиться на упрощении внешнего вида жилых и хозяйственных построек, что отмечалось уже современниками⁵³. В частности, многие двухэтажные дома, принадлежавшие ранее зажиточной сельской верхушке, в 1920 – 1930-е годы были снесены⁵⁴. Как следствие, проявились тенденции к сокращению количества хозяйственных построек и упрощению планировки двора. В

⁵³ Осипов Д.П. Крестьянская изба на севере России (Тотемский край). Тотма, 1924.

⁵⁴ Червонная С.М. Искусство Татарии. М., 1987. С. 241.

частности, вместо П-образной конструкции дома со строениями появилась более простая Г-образная ⁵⁵. Наконец, социально-экономические преобразования 1920-х годов создавали условия для дальнейшей интернационализации строительных технологий, приобщения населения к культурному опыту своих соседей. Произшедшие изменения получили свое развитие в последующие годы ⁵⁶. Таким образом, действие отмеченных факторов, получивших свое развитие в 1920-е годы, способствовало определенным изменениям в планировке крестьянской усадьбы, ее постройки, а также внешнего и внутреннего оформления.

Третий параграф «Внешний облик крестьян» посвящен рассмотрению одежды, обуви, украшений, бытовавших в сельской местности в 1920-е годы. Последствия гражданской войны и массового голода дали импульс к развитию и в некоторых случаях к расширению объемов ткацкого, портняжного, сапожного ремесла, особенно в районах, удаленных от городов. По мере восстановления хозяйства, расширения культурных контактов с городом, расширения ассортимента фабричной продукции стала прослеживаться обратная тенденция: крестьянство, особенно зажиточное, все чаще отдавало предпочтение городской моде, желая подчеркнуть уровень своего материального достатка и социального статуса. Как следствие, намечался все больший разрыв между фабричным и традиционным народным костюмом.

Изменения внешнего облика селян определялись действием различных по своему характеру факторов. Во-первых, развитие экономических и культурных контактов в определенной мере сглаживало различия во внешнем облике сельских и городских жителей разных национальностей. Особенно это касалось повседневной одежды, отдельные элементы которой все активнее приобретали интернациональный характер. Во-вторых, свою роль сыграла возросшая роль молодежи в социально-экономической жизни.

⁵⁵ Татары. М., 2001. С. 221.

⁵⁶ Бусыгин Е.П. Материальная культура русского (сельского) населения Татарской АССР. Дисс... канд. ист. наук. Казань, 1950.

Все активнее облачаясь в современный костюм и реже обращая внимание на критику родителей, молодежь в наибольшей мере приобщалась к городской моде, чему во многом способствовала миграционная подвижность молодого поколения. В-третьих, постепенное вовлечение женщин в общественную и хозяйственную жизнь, усиление их миграционной подвижности не могло не отразиться на сокращении масштабов производства домотканых изделий. В таких условиях нарушались механизмы передачи опыта молодежи, среди которой все реже прослеживалось стремление сохранять традиции. В результате, технологии производства домотканой одежды, головных уборов и обуви, также как и искусство исполнения традиционной национальной вышивки в 1920-е годы стали постепенно утрачиваться. Наконец, дальнейшему отходу от традиций способствовал комплекс политических мероприятий, направленных на усиление репрессивных мер в отношении крестьянства, его приверженности религиозным нормам. Таким образом, представленные факторы способствовали постепенной трансформации внешнего облика сельских жителей.

Третья глава «Бытовая культура повседневности» посвящена изучению основных форм ее проявлений в крестьянской среде. В *первой параграфе «Потребление продовольственных продуктов»* дается анализ состояния питания жителей деревни. Потребление пищи является одной из важнейших составляющих повседневной крестьянской культуры. Будучи проявлением бытовой, религиозной и производственной культуры, питание отражает особенности выживания в определенных природно-климатических условиях. Культура повседневного питания во многом сохраняет определенный консерватизм, обусловленный не столько влиянием общинных традиций, сколько общим экономическим состоянием крестьянских хозяйств. Здесь необходимо отметить следующие особенности: во-первых, ассортимент пищевых продуктов и нормы их потребления определяла фаза развития семьи, отражавшая соотношение между количеством едоков и работников. Примечательно, что размер хозяйства не являлся определяющим

фактором, влияющим на продовольственное благосостояние. С одной стороны, именно в крупных хозяйствах, где нередко прослеживалось благоприятное соотношение количества едоков и работников, продовольственных запасов чаще всего хватало на более длительный срок. В то же время нормы потребления различных продуктов в расчете на одного человека здесь могли уступать аналогичным нормам в средних, и даже в маломощных хозяйствах. Гораздо большее влияние на продовольственное благосостояние играл фактор наличия дополнительных доходов. Во-вторых, важной особенностью питания являлся отмеченный дисбаланс в количестве потребляемых калорий в зависимости от времени года. В-третьих, условия голода и общего упадка хозяйства в какой-то степени нивелировали значение национально-культурного фактора, а в дальнейшие годы недостаток средств заставлял крестьян различных национальностей сознательно ограничивать свой повседневный продовольственный рацион, сводя его к простейшим блюдам. Таким образом, происходила интернационализация культур питания, в которой важную роль играли социально-экономические условия. Определенную роль сыграл фактор соседских взаимоотношений, а также совместного проживания крестьян различных национальностей в одной деревне. В-четвертых, на обычаи приготовления блюд оказывала влияние близость к городам, либо удаленность от них. В итоге, некоторое улучшение качества питания во второй половине 1920-х годов произошло настолько, насколько это позволила сложившаяся социально-экономическая обстановка.

Второй параграф «Гигиена и состояние здоровья» посвящен изучению состояния здравоохранения. Образ жизни крестьян оказывал непосредственное влияние на формирование их санитарно-гигиенических навыков. Эти навыки отвечали производственно-хозяйственным потребностям крестьянской семьи. Человек в первую очередь рассматривался как работник, состояние здоровья которого определяло уровень достатка в семье. Постоянная занятость физическим трудом превращали заботу о здоровье в необходимое условие сохранения баланса трудовых сил. Больной

человек выпадал из трудового ритма, рассматривался как «лишний едок», что обуславливало его стремление к скорейшему выздоровлению. С другой стороны, появление тяжелых, неизлечимых болезней нередко считалось проявлением внешних сил, часто неподвластных влиянию человека. Это определяло достаточно спокойное отношение к проблеме повышенной смертности, характерной для сельской местности. Восстановление сельского хозяйства после голода и разрухи внесло определенные изменения в развитие традиционной санитарно-гигиенической культуры. В 1920-е годы началось постепенное внедрение новых стандартов в развитие санитарии и гигиены в сельской местности, что имело экономические и политические причины. Обстановка массовых эпидемий различных заболеваний создала благоприятные условия для активизации борьбы со знахарством и религиозными «пережитками»: обращение к средствам народной медицины признавалось делом бесполезным и даже вредным. Все большее значение стал приобретать внешний фактор, представлявший собой деятельность властных структур, для которых забота о здоровье сопровождалась борьбой с повседневным крестьянским бытом, культурой и традициями. Однако эти усилия во многом оказывались тщетными, поскольку часто не подкреплялись реальной заботой о здоровье людей. Тем не менее, в 1920-е годы обращаемость населения за квалифицированной помощью возросла. Популярность медицинских учреждений во многом обуславливалась противоречием между ростом эпидемий различных заболеваний и необходимостью возвращения к нормальным условиям жизни. Демографические потери препятствовали восстановлению аграрного сектора. К сожалению, сельские больницы и фельдшерские пункты так и не смогли стать основными центрами борьбы с заболеваниями. Поэтому в повседневном быту продолжили доминировать традиционные навыки поддержания гигиены и здоровья.

Третий параграф «Этика семейной жизни» затрагивает вопросы состояния и развития внутрисемейных отношений. Выполняя свою главную,

репродуктивную функцию, семья играла определяющую роль в процессе сохранения и передачи культурных традиций. Кроме того, семья оставалась основной производственной структурой. Всеобъемлющее значение семьи находило свое отражение в массовом крестьянском сознании, которое воспринимало ее как «хозяйственную и нравственную основу правильного образа жизни»⁵⁷. Отношения, которые складывались между членами семьи, оказывали огромное влияние на процесс социализации молодого поколения, определяли его характер: с ранних лет приобщаясь к производственной культуре, дети усваивали социально-культурный опыт предыдущих поколений. Развитие семьи как социального института способствовало выработке тех моделей демографического поведения, которые обеспечивали «наибольшую устойчивость населений, живущих в той или иной природной и социальной среде со свойственными ей колебаниями»⁵⁸. «Колебания социальной среды», произошедшие в первые десятилетия XX века, внесли изменения в сферу семейных отношений. Серьезный удар по институту брака и семьи оказал период войн и революций, а также массового голода начала 1920-х годов: заметно возросло количество разводов. В дальнейший период внутрисемейные отношения отразили влияние факторов экономического и социально-политического характера. К первым можно отнести проблему аграрного перенаселения деревни, а также стремление крестьян к получению дополнительных заработков. Учитывая преобладающий удельный вес мужского населения в структуре мигрантов, можно говорить о дальнейшем изменении роли мужчины, ослаблении его влияния. Одновременно менялись роли женщин и младших членов семьи. В качестве факторов социально-политического характера можно выделить проводимую антирелигиозную политику, развитие сети советских школ, ячеек комсомола, различных кружков, пропагандирующих новые образцы поведения. Все это способствовало укреплению позиций молодежи, ее стремлению к

⁵⁷ Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. С. 261.

⁵⁸ Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество. История, современность, взгляд в будущее. М., 1982. С. 19.

дальнейшему освобождению от родительского влияния. Немаловажную роль в этом сыграло упрощение порядка регистрации и расторжения браков. Как следствие, расширился круг возможностей, связанных с практикой заключения браков и осуществления разводов. В результате, сельские жители получили возможность ощутить большую свободу в выборе способов решения личных проблем. Таким образом, крестьянская семья все активнее испытывала воздействие объективных перемен, сделавших неизбежным процесс окончательного распада патриархальных отношений.

Четвертая глава «Особенности реализации культурной политики в деревне» посвящена анализу состояния и развития культурных запросов крестьянства и возможностей их реализации. Данная проблема представляют собой один из наиболее важных аспектов при обращении к проблематике повседневного быта: насколько изменились культурные запросы крестьян под влиянием социально-политической обстановки 1920-х годов, в какой степени крестьяне оказались способны реализовать свои культурные потребности и т.д. Вместе с тем, актуален и вопрос о том, в какой степени новые культурные стандарты оказались способны изменить традиционный крестьянский образ жизни.

В первом параграфе «Изменение уровня грамотности» рассмотрены проблемы состояния крестьянских школ, уровня подготовки преподавательского состава, отношения крестьян к работе учителей и т.д. Изменение культурных запросов должно было осуществиться в процессе проведения политики «культурной революции», определившей приоритетные задачи ликвидации неграмотности, оздоровления быта, приобщения селян к достижениям современной науки и техники. В 1920-е годы происходило постепенное изменение характера культурных запросов, сельские жители все чаще ощущали потребность приобщения к современным достижениям цивилизации. Наблюдался некоторый рост сети школ, увеличивалось количество грамотных. Во многом осознание культурных потребностей связывалось с усилением миграционной подвижности.

Перемещение по республике значительных групп населения, сопровождавшееся общением, обменом информацией, поднимало уровень культурных запросов населения, что начинало ощущаться в самых удаленных уголках республики. В изменении культурных запросов крестьян свою роль сыграла репрессивная политика государства. Массированное проведение антирелигиозных кампаний не могло не затронуть сознания некоторой части сельского населения, особенно молодежи, оторванной от привычной среды. Одновременно проявлялось стремление к сохранению основ традиционной культуры различных народов, населявших республику. Наблюдался рост количества религиозных школ, особенно в мусульманской среде.

Во втором параграфе «Трансформация религиозного сознания» затрагивается проблема изменения религиозных норм и ценностей крестьянства. Условия нэпа способствовали формированию уникального социокультурного пространства, в котором различными путями переплетались достаточно противоречивые по своей сути и направленности взгляды и идеи. Сложность оформления собственной жизненной позиции, вполне естественная в условиях своеобразного хаоса идей, оказала большое влияние на идеологические и культурные ориентиры широких общественных слоев. В своеобразной ситуации оказалось крестьянство. Сложность выбора мировоззренческих приоритетов обуславливалась, кроме прочего, социально-культурной изоляцией деревни, усиленной в годы революций и войн. Мировоззрение определенной части сельского населения, основанное на религиозно-нравственных ценностях, противостояло попыткам внедрения различных новшеств. Однако специфика общественно-политической жизни деревни 1920-х годов не ограничивалась лишь противопоставлением старых и новых взглядов. Будучи гораздо сложнее, она выражала собой целый комплекс всевозможных проблем. Гонения на официальные религиозные учения, усиление влияния различных сектантских направлений, возвращение части крестьянства к дохристианским культам переплетались в массовом

сознании, создавая причудливую картину происходящих перемен. В подобной обстановке идеологические предпочтения и приоритеты крестьянства подвергались значительным изменениям. Этому в определенной мере способствовали «чары» революции, связанные с возможностями раскрепощения личности, ее освобождения от церковного, и, отчасти общинного влияния. Однако, разочаровавшись в возможностях государства изменить жизнь к лучшему, крестьянство все активнее обращалось к религиозным структурам, что отчасти способствовало росту религиозного сознания на селе. В то же время, попытки осуществления «модернизации» традиционного крестьянского мировоззрения активизировали решение, по крайней мере, двух задач. В первую очередь, сохранялись и в определенной мере укреплялись основы традиционного религиозного миропонимания. С другой стороны, обращение к религиозным «новациям» отражало общее стремление крестьянства найти ответы на вопросы о том, как жить дальше, с чем связывать свои надежды. Решению этой задачи отчасти способствовало терпимое отношение властных структур к существованию на местах различных языческих и сектантских групп. Таким образом, общественно-политическая ситуация 1920-х годов предоставила уникальные возможности для развития плюрализма в религиозных взглядах и предпочтениях крестьянства.

Третий параграф «Социально-политическая активность крестьянства» посвящен рассмотрению вопросов взаимоотношений сельского социума с внешним миром. Сохранялись представления о традиционных нравственных ценностях, основанных на трудолюбии и опоре на собственные силы. Отсюда, отношение к новой власти продолжало определяться традиционными понятиями справедливости. В то же время все активнее получали поддержку идеи развития социальной мобильности, особенно в молодежной среде. Общее стремление правительства «модернизировать» деревню активизировало деятельность сил, заинтересованных в сохранении стабильности крестьянского сообщества.

Чаще всего они олицетворяли собой зажиточных крестьян, имевших богатый опыт отстаивания своих интересов через использование общинных институтов, как традиционных структур самоуправления. Неудивительно, что создаваемые в 1920-е годы сельсоветы, испытывая сильное влияние общин, слабо отражали интересы государственных органов. Определенное влияние на крестьян продолжали оказывать представители духовенства. Нередко именно они пытались сохранить незыблемость традиционных порядков, ограничивая проявления социальной мобильности. Со своей стороны, представители молодежи нередко в знак протеста активнее приобщались к новым культурным стандартам, раскрывающим новые возможности. Именно в противоборстве различными силами, в ходе постепенного осознания происходящих изменений, рождались новые черты политической культуры крестьянства.

Кроме традиционной практики «пассивного сопротивления», крестьяне стали более широко использовать арсенал активных форм борьбы за свои интересы: участие в беспартийных конференциях, выдвижение собственных кандидатур на выборах, работа в низовых органах управления. При этом активность проявляло не только мужское, но и часть женского населения. Все это свидетельствовало о выработке крестьянством собственной модели поведения, способствующей адаптации к тем политическим и социально-экономическим реалиям, которые утвердились в условиях нэпа.

Четвертый параграф «Проблемы девиантного поведения» затрагивает проблемы трансформаций традиционных моделей поведения. Разрушение основ традиционного крестьянского быта, наметившееся уже в конце XIX столетия, определилось процессом развития индустриального общества с его ценностями массового производства, возрастающей урбанизацией и изменением социальной структуры населения. Бурные события первых десятилетий XX века внесли в данный процесс политический оттенок, связанный с дальнейшим укреплением ценностей городской культуры. Все это предопределило влияние внешних и внутренних факторов, повлиявших

на дальнейшее наступление на традиционный крестьянский быт. К числу первых можно отнести разрушительное действие войн, смены социально-политической доктрины государства, а также антирелигиозной политики советской власти. Внутренние факторы во многом обуславливались изменением социальных ролей членов крестьянской семьи. Главе хозяйства – мужчине-«большаку», по разным причинам чаще покидавшему семью, все сложнее становилось олицетворять собой хранителя патриархальных устоев. Возрастающая миграционная подвижность молодежи сопровождалась изменением ее социального и материального статуса. Серьезную роль в деформации поведенческих установок сыграл массовый голод начала 1920-х годов, приведший к кризису культурных ценностей. Социокультурные изменения 1920-х годов заметно повлияли на дальнейшую трансформацию мировоззрения крестьянина и связанных с ним моделей поведения. Нарушение традиционного порядка половозрастных взаимоотношений в семье, религиозный кризис, смена ценностей и приоритетов существенно отразились на образе жизни подрастающего поколения. Как следствие разрушения традиционных основ жизни, среди крестьянства усиливались различные проявления отклоняющегося поведения: учащались случаи пьянства, совершения аморальных и противоправных действий, увеличивались масштабы хулиганства. Трудолюбие и стремление к богатству, традиционно воспринимавшиеся как положительные качества, стали трактоваться как социально чуждые, а их носители – успешно хозяйствующие крестьяне – представлялись врагами общества. Соблюдение религиозных традиций и запретов стало подвергаться критике и высмеиванию. В конечном итоге борьба с традиционной культурой привела к серьезным последствиям, способствовала утрате крестьянством своей прежней роли в социально-экономической и культурной жизни страны.

В **заключении** приводятся основные выводы исследования. Особенности культурных процессов, происходивших на селе, всегда составлял земледельческий труд, определявший основу крестьянского образа

жизни. Постоянная занятость в хозяйстве, связь с природой, независимость крестьянского труда от внешних условий обуславливали, с одной стороны, автономный характер сельской культуры, с другой – ее практицизм и способность сохранять целостность, адаптируясь к изменениям внешнего мира. Вместе с тем крестьянская культура не оставалась застывшей и замкнутой. Как любая система, существующая в определенных условиях, она проявляла гибкость к новшествам, допуская появление одних элементов и отвергая другие. Данный процесс осуществлялся в рамках общей эволюции культуры в направлении постепенного восприятия ценностей индустриального общества. Определяющую роль в формировании новых культурных запросов крестьян сыграли факторы, сопутствующие переходу общества к индустриальному этапу развития, такие как формирование крупной промышленности, усиление миграционной подвижности, развитие культурно-экономических контактов с городом, совершенствование системы образования, здравоохранения и т.д. Молодое поколение, более активно воспринимая новые ценности, использовало их потенциал для изменения личного статуса и осуществления социальной мобильности. В наименьшей степени изменения затрагивали культуру и быт пожилой части населения и женщин, живущих в более замкнутом мире, менее подверженном влиянию миграционных процессов и культурному воздействию. Именно в этих половозрастных группах прослеживался самый низкий уровень грамотности и участия в работе низовых советских учреждений. Здесь в наибольшей мере прослеживалось стремление к сохранению черт национально-культурной самобытности.

В то же время в условиях 1920-х годов более отчетливо стали проявляться элементы интернационализации отдельных сторон повседневной культуры и быта, способствовавшие дальнейшему сближению народов республики. Особенно заметно это проявлялось в местах компактного проживания представителей нескольких национальностей. Важным внешним фактором, повлиявшим на дальнейшее сближение

национальных культур, стали социально-политические трансформации первых десятилетий XX века. В целом период 1920-х годов знаменовал собой дальнейшее развитие наметившегося еще в начале XX века социокультурного конфликта внутри крестьянского общества. Еще сохранялись представления о традиционных ценностях, основанных на трудолюбии и опоре на собственные силы. В то же время все активнее получали поддержку ценности индустриального общества, связанные с возможностями осуществления социальной мобильности. Конфликт двух тенденций в культурной жизни крестьянства активизировался стремлением советского правительства «модернизировать» деревню. Однако, не имея возможности модернизировать «отсталый» крестьянский быт, властные структуры предпочли направить усилия не столько на изменение его сущности, сколько на борьбу с его внешними проявлениями. Важной составляющей этой борьбы стало проведение репрессивных мер в отношении крестьян как носителей традиционной культуры в рамках политики коллективизации.

**Публикации, в которых отражены основные положения
диссертационного исследования**

I. Монографии:

1. Давыдов Д.В. Крестьянство ТАССР в условиях нэпа: Историко-демографическая характеристика. Казань, 2010. 230 с.
2. Давыдов Д. Слухи среди крестьянства в 1920-е годы. LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG Saarbrücken, Germany. 2012. 58 с.

**II. Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях,
рекомендованных ВАК Министерства образования и науки
Российской Федерации**

3. Давыдов Д.В. Некоторые особенности постройки и декорирования крестьянских жилищ в 1920-е годы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Научно-теоретический и прикладной журнал. 2011. № 8 (14). Часть 2. С. 67-70.
4. Давыдов Д.В. «Щи да каша...»: О некоторых особенностях повседневного питания крестьян в ТАССР в 1920-е годы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Научно-теоретический и прикладной журнал. 2011. № 5(11). Часть 4. С. 55 - 58.
5. Давыдов Д.В. Кошва в кумышке. Народная медицина в татарском селе 1920-е годы // Родина. 2011. №3. С. 114-115.
6. Давыдов Д.В. Народная медицина в сельской местности ТАССР в 1920-е годы // Вопросы истории. 2011. №2. С. 144-147.
7. Давыдов Д.В. Изменения внешнего облика крестьян Татарской республики в 1920-е годы// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Научно-теоретический и прикладной журнал. 2011. № 3(9). Часть III. С. 44-47.
8. Давыдов Д.В. Развод "по-крестьянски": специфика расторжения браков в среде русского крестьянства в 1920-е гг. (по материалам ТАССР) // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2010. №4(22) С. 113-115.
9. Давыдов Д.В. «Самогон – дешевый напиток» // Родина. 2009. №5. С. 113-114.

III. Научные статьи, тезисы, опубликованные в научных журналах, сборниках материалов всероссийских и региональных научно-практических конференций

10. Давыдов Д.В. Антирелигиозные настроения в молодежной среде как отражение процессов модернизации деревни в 1920-е годы // Исторический опыт российских модернизаций XIX-XX веков: специфика регионального развития: сб. статей / отв. ред. А.С.Бушуев. - Казань, 2012. - С. 158-163.
11. Давыдов Д.В. Проблемы девиантного поведения в среде крестьянской молодежи в 1920-е годы // Проблемы изучения истории XX века в высшей школе в условиях перехода на Федеральные государственные образовательные стандарты нового поколения: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Казань, 2011. С. 125 - 131.
12. Давыдов Д.В. Красная комсомольская свадьба 1920-х гг. // Эхо веков. 2011. №1/2. С. 283-285.
13. Давыдов Д.В. Проблемы изучения крестьянской культуры ТАССР 1920-х годов в трудах современников // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII - начала XX века. М., 2011. С.113-115.
14. Давыдов Д.В. Деятельность религиозных сект среди крестьянства Татарской республики начала 1920-х годов // IX Конгресс этнографов и антропологов России: Тезисы докладов. Петрозаводск, 4–8 июля 2011 г. / Редкол.: В.А. Тишков и др. Петрозаводск, 2011. С. 137.
15. Давыдов Д.В. Религиозные секты 1920-х годов в хозяйственной и культурной жизни крестьянства ТАССР// История и культура народов Поволжья: региональные аспекты исследования. Казань, 2011. С. 175-182.
16. Давыдов Д.В. Некоторые аспекты приобщения сельского населения Татарской АССР к кинематографу в 1920-е годы // Этнические и культурно-бытовые процессы в Урало-Поволжье и Западной Сибири в XX-XXI веках: ретроспектива и современность: Сборник статей. Уфа, 2011. С. 52-57.

17. Давыдов Д.В. Некоторые проблемы межнациональных взаимоотношений крестьянства ТАССР в 1920-е годы // Полиэтничность России в контексте исторического дискурса и образовательных практик XIX-XXI вв.: сб. ст. науч. конф. (III Арсентьевские чтения). - Чебоксары, 2010.
18. Давыдов Д.В. Борьба с самогоноварением в сельской местности ТАССР: из опыта начала 1920-х гг. // Государственность Республики Татарстан: история и современность: Сб. статей. Казань, 2010. С. 234-238.
19. Давыдов Д.В. Некоторые аспекты изменения социального статуса сельской женщины в 1920-е годы (по материалам ТАССР) // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2010. №2. С. 5-8.
20. Давыдов Д.В. «Не дадим детей резать!»: из практики проведения прививочных кампаний в 1920-е гг. в сельской местности (по материалам ТАССР) // Крестьянство в российских трансформациях: исторический опыт и современность: Материалы III Всероссийской (XI Межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (Ижевск, 17-19 октября 2010 г.) / Отв. ред. Г.А. Никитина. – Ижевск, 2010. С. 131-137.
21. Давыдов Д.В. Крестьянство в условиях религиозных трансформаций начала 1920-х годов (по материалам ТАССР) // Современные социальные и гуманитарные знания: традиции, новации, перспективы. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Казань. 29-30 января 2010 г. С. 125 - 131.
22. Давыдов Д.В. Его руками создана статистика Татарии (о статистике В.М. Ермолаеве) // Эхо веков. 2009. № 1. С. 101 – 104.
23. Давыдов Д.В. Изучение крестьянской культуры в ТАССР: опыт 1920-х годов // Сообщество историков высшей школы России: научная практика и образовательная миссия. М., 2009. С. 315-318.

24. Давыдов Д.В. Неформальное общение крестьян как фактор сохранения традиционной ментальности (по материалам ТАССР 1920-х годов) // Известия общества истории, археологии и этнографии при Казанском государственном университете. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. №1. С. 197-203.
25. Давыдов Д.В. К вопросу о распространении слухов среди крестьянства в 1920-е годы (по материалам ТАССР) // Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегия исследований. Самара, 2007. С. 342-347.
26. Давыдов Д.В. Борьба с инакомыслием: практика преследования за распространение «ложной информации» в сельской местности ТАССР в 1920-е годы // История и регионология: грани пересечения. Сборник научных статей. Казань: КГТУ, 2007. С. 103-109.
27. Давыдов Д.В. О некоторых особенностях повседневного питания крестьян в ТАССР в 1920-е годы // Роль истории в формировании патриотизма и толерантности: Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. докт. ист. наук Д.К. Сабировой (Казань, 31 октября - 2 ноября 2007 г.). Казань, 2007. С. 123-134.
28. Давыдов Д.В. Слухи среди крестьянства: 20-е годы XX века (по материалам ТАССР) // Научный Татарстан. №1/2. 2005. С. 132 – 143.
29. Давыдов Д.В. Американские исследования проблемы появления и распространения слухов в середине XX века // Социальная структура и социальные отношения в Республике Татарстан в первой половине XX века. Казань, 2003. С. 198-204.
30. Давыдов Д.В. К вопросу о переселении крестьян Татарской Республики в Сибирь в период нэпа // Платоновские чтения. Материалы Всероссийской конференции молодых историков г. Самара 1-2 декабря 2000 г. Самара, 2001. С. 93-95.
31. Давыдов Д.В. Грамотность крестьянского населения в период голода 1921-1923 годов // Точка зрения. Сборник научно-исследовательских статей. Вып. 3. Казань, 2000. С. 31 – 37.

32. Давыдов Д.В. Восстановление производительных сил крестьянства Татареспублики в условиях нэпа // Точка зрения. Сборник научно-исследовательских статей. Вып. 2. Казань, 2000. С. 10 – 19.
33. Давыдов Д.В. К вопросу о восстановлении численности рабочего скота в крестьянских хозяйствах Татареспублики в условиях нэпа // Историческая наука в Казанском университете. Казань, 2000. С. 117-118.